

РОЛЬ ЛИБЕРАЛЬНОЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ В СИБИРИ ПРИ ДИКТАТУРЕ А.В. КОЛЧАКА

Статья посвящена исследованию общественно-политических позиций сибирской либеральной и меньшевистской социалистической прессы в период диктатуры адмирала А.В. Колчака, их взаимоотношений с режимом и основных разногласий. На материалах либеральной периодической печати раскрываются различные аспекты ее роли в формировании идеологической и пропагандистской системы колчаковской власти.

Ключевые слова: либерализм в Сибири; революция; Гражданская война.

Отношение различных политических партий и группировок к режиму А.В. Колчака и его политике отражалось в периодической печати. И наоборот, отношение колчаковского правительства к органам прессы различной ориентации, занимаемое ими положение отражали позицию белой диктатуры относительно тех партий и течений, выразителями которых эти органы являлись. Анализ публикаций различных сибирских газет за данный период дает богатый материал для этого. В период наибольшего расширения подвластной армии А.В. Колчака территории (от Уфы до Владивостока) в апреле 1919 г. на ней издавалось, по данным отдела печати при Совете министров, 107 газет и 84 журнала [1. 1919. 9 апр.]. По сравнению с советской властью, фактически уничтожившей свободу печати на своей территории, белые правительства А.В. Колчака и А.И. Деникина допускали ее относительную независимость, но в существенно ограниченных рамках.

Прежде всего, это выражалось в запрете большевистской прессы, что в обстановке Гражданской войны выглядело вполне естественно. Не допускалось издание газет и журналов социалистических партий («левой» окраски (эсеров, меньшевиков-интернационалистов), вставших в непримиримую конфронтацию с белыми. Большинство таких газет, расценивших колчаковский переворот как «первую ступень восстановления монархии» [2. 1918. 3 дек.] и язвительно именовавших Колчака «Александром Четвертым» [3. 1918. 24 нояб.], уже в первые недели после переворота были закрыты. С другой стороны, колчаковское правительство считало неудобным с точки зрения политического момента существование откровенно монархических изданий. Хотя среди офицерства, составлявшего главную ударную силу Белого движения, монархические настроения были сильно распространены, его предводители были достаточно осторожны, чтобы не афишировать их как слишком непопулярные в глазах народа.

Политический спектр легальной прессы был представлен двумя основными направлениями. Одним из них было либеральное во главе с кадетами (ведущие рупоры в Сибири – орган Восточного отдела ЦК кадетской партии «Сибирская речь» в Омске, иркутская газета «Свободный край», красноярская «Свободная Сибирь» и др.), всецело поддерживавшее белогвардейский диктаторский режим. Вторым – примкнувшие к нему в борьбе против большевиков наиболее умеренные, «правые» группировки социалистической ориентации – партия народных социалистов (энесов), наиболее правый фланг эсеров (группа «Воля народа») и меньшевиков (основанная Г.В. Плехановым группа «Единство»), часть кооператоров (наиболее авторитет-

ные газеты этого направления – «Заря» и «Наша заря» в Омске, томская «Народная газета» и др.). Находясь до известной степени в оппозиции и оставаясь при особом мнении по основным вопросам экономической и политической жизни, они все же считали белую диктатуру «меньшим злом» по сравнению с большевистской. Во всяком случае такую респектабельно умеренную оппозицию колчаковское правительство не притесняло. Ряд газет (наиболее известной из которых была томская «Сибирская жизнь») занимали промежуточное положение между двумя направлениями, отражая позиции умеренных областников.

Но и в этом политическом спектре были свои «табу». Наиболее значительным из них было выведение из зоны критики особы диктатора – Верховного правителя. Статья 103 Уголовного уложения карала тюремным заключением за публичное или печатное оскорбление его личности [4. 1918. 8 дек.]. Фактически же не допускалось никакой критики персонально в его адрес. Критика правительства допускалась, но и здесь следовало соблюдать определенные рамки. Так, за излишне резкие и систематические нападки на правительство были закрыты омские газеты «Заря» и «Наша заря», иркутская «Наша мысль», новониколаевская «Народная Сибирь», владивостокские «Далекая окраина», «Эхо» и «Рабочий мир» и петропавловский «Рабочий». Не допускалась на практике критика высшего военного командования и армии в целом. Военная диктатура ревниво оберегала «честь мундира». Наконец, характерным для имперской великодержавной идеологии белых правительств был запрет пропаганды самоопределения национальных окраин России. По всему остальному спектру политических и социальных вопросов допускалась самая широкая свобода мнений.

В значительной степени такой относительный либерализм объяснялся оглядкой на международное общественное мнение. Остро нуждаясь в материально-технической помощи союзных западных демократий, – Англии, Франции, США – Колчак и Деникин не желали прослыть в их глазах реакционерами. Либеральная и, прежде всего, – кадетская, пресса безоговорочно поддерживала колчаковский режим. Она создавала постоянную рекламу Колчаку. Газеты этого направления называли его «национальным вождем», «русским Вашингтоном», «титаном», «витазем», «собирателем Земли Русской». Характерны эпитеты из статьи кадетской газеты «Сибирская речь» под названием «Верховный правитель»: «Адмирал Колчак – почти что образ из сказки, высокой, изящной... великий интеллигент минувшей войны... знамя единой России... образ богатой и сложной культуры нашего народа... живое дос-

тояние своего народа... знамя достоинства, чести и культуры России» [5. 1919. 15 июня].

Такое прославление граничило с настоящим культом личности. Тем самым подкреплялось идеологическое обоснование диктатуры, к осознанию необходимости которой российские либералы пришли на горьком опыте 1917 г. Одна из наиболее влиятельных либеральных газет, екатеринбургские «Отечественные ведомости» писала, что диктатура вышла «не из программ и партийных манифестов... а из недр национальной исторической жизни» [5. 1919. 28 февр.]. Иркутская кадетская газета «Свободный край» проводила исторические аналогии: «История дает нам немало примеров, говорящих за то, что от революционных бурь переход к народовластию совершается через... диктатуру. Так было в Англии при Кромвеле, так было во Франции при Наполеоне». Газета сравнивала погибшую эсеровскую революционную демократию с «декадансом», а Белое движение – с «Ренессансом без реставрации» [6. 1918. 8 дек.].

С этих позиций сибирская и уральская либеральная пресса последовательно проводила линию на консолидацию Белого движения всей России вокруг А.В. Колчака, призывала содействовать утверждению «общегосударственного и международного значения Верховного правителя... путем организации общественного мнения и соответствующей агитации» [7. 1919. 9 февр.]. Во многом благодаря ее агитации выросли пожертвования буржуазии на нужды фронта, на местах образовывались различные комитеты и общества помощи армии, посылавшие солдатам теплые вещи, продукты, табак.

Правосоциалистическая пресса, солидарная с режимом А.В. Колчака в его борьбе с большевизмом, тем не менее нередко порицала диктаторский стиль и методы власти, писала об «оторванности от широких общественных кругов», узости социальной опоры, добивалась скорейшего созыва Учредительного собрания (из наиболее влиятельных – газеты «Заря», «Наше дело»). Омская газета «Заря» писала: «Жутко за нашу государственность, от которой отошла демократия, а буржуазия представляет настолько ненадежный фундамент, что базироваться на ней нет никакой возможности» [8. 1919. 1 июня]. О превращении бюрократического аппарата в «своего рода государство в государстве» писала «Наша заря» [9. 1919. 26 авг.].

Сделав ставку на военную диктатуру, либеральная интеллигенция была вынуждена в корне изменить свое отношение к офицерству, к которому при царском режиме относилась с предубеждением. Теперь же либеральная пермская газета «Освобожденная Россия» прямо провозглашала: «У нас только один класс, одна группа людей стоит на точке зрения гражданского правосознания – это офицерство» [6. 1918. 8 дек.]. Либеральная печать выполняла роль настоящего трубадура белой армии и негодовала по поводу морального разложения тыла, «гомерических кутежей» буржуазии на баснословные суммы во время кровопролития на фронте. Томская газета «Сибирская жизнь» писала, что имущие классы, призывая народ к патриотизму, прежде сами должны подавать пример собственным поведением [1. 1919. 1 июля]. Понимая, что вся надежда на

победу над большевиками заключается в колчаковской армии, социалистическая пресса не меньше либеральной занималась ее прославлением и героизацией. «Крушение уголовного коммунизма большевиков не за горами», – писала та же «Заря» в период наибольших побед на фронте [8. 1919. 24 апр.]. Не обходила вниманием либеральная пресса и борьбу с коррупцией. Особый резонанс получили дело о мошенническом хищении бриллиантов начальником столичной (омской) уголовной милиции Суходольским, дело по обвинению министра продовольствия и снабжения Зефирова в заключении убыточных для казны сделок по закупке импортного чая, окрещенное «чайной панамой», и дело главного начальника военных сообщений генерала Касаткина по обвинению в покровительстве махинациям на железных дорогах, прозванное «вагонной панамой». Еще большее внимание уделяли разоблачению коррупции социалистические газеты (в особенности ведущие из них – омские «Заря» [8] и позднее «Русь» [10], широко освещавшие перечисленные дела и требовавшие суровых мер для виновных).

Вольно или невольно стремясь отождествить взгляды Колчака с собственными, кадеты и другие либералы, смотревшие на диктатуру как на временную необходимость, пытались представить его человеком демократичных убеждений. За образец брались и тиражировались его публичные декларации и заявления, в которых адмирал внешне демонстрировал приверженность демократическим принципам. Для их подкрепления была создана правительственная комиссия по подготовке выборов в Национальное учредительное собрание, работавшая в целом демократичный законопроект на основе всеобщего и равного избирательного права, в качестве подготовительного этапа издана «грамма» о созыве Государственного земского совещания, проявлялась подчеркнутая забота о просвещении, выразившаяся в организации Института исследования Сибири в Томске и нескольких научных экспедиций.

Все эти декларации и жесты Верховного правителя питали в интеллигентской среде иллюзию о его демократизме. Но подлинное отношение Колчака к демократии было иным. Известно его высказывание: «Власть не может принадлежать массам в силу закона глупости числа... Решение двух людей всегда хуже одного... наконец, уже 20–30 человек не могут вынести никаких разумных решений, кроме глупостей». Вполне одобряя разгон большевиками демократического Учредительного собрания, Колчак говорил, что на выборах в будущее Национальное собрание пропустит лишь «государственно-здоровые элементы» [11. С. 108]. Создавая Колчаку ореол «национального вождя», либеральная пресса оставляла за собой право критиковать правительство за отдельные недостатки в работе, за такие как склонность к трафаретным декларациям, не всегда подкрепленным реальными делами, бюрократизм и громоздкость аппарата управления. В связи с этим она всецело приветствовала шаги, предпринятые Колчаком в августе 1919 г. по сокращению разбухшего госаппарата на 38%.

Нередко звучали протесты (правда, довольно осторожные) и против чрезмерного, часто некомпетентного вмешательства военных в дела гражданского управле-

ния, характерного для режима военной диктатуры. Тревогу определенной части либеральной прессы вызывали шаги, предпринятые Колчаком по возрождению тайной политической полиции – так называемого «особого отдела государственной охраны». В частности, обращалось внимание на то, что в него вербовались кадровые офицеры бывшего жандармского корпуса. При характерных для российских либералов того времени великодержавных позициях их пресса полностью поддерживала белых в национальном вопросе. Вот типичный аргумент тогдашних либеральных публицистов: «Самоопределение мелких народностей – одно из самых нелепых проявлений русской революции... Оторванные от великой России, они будут жалки и ничтожны, они не найдут в своей среде достаточного количества культурных и технических сил, не смогут самостоятельно построить ни одной железной дороги, открыть ни одной гимназии, ни одного университета» [5. 1919. 4 июня].

Поддерживая в целом политику правительства Колчака по всем основным экономическим, политическим и социальным вопросам, которая была во многом близка к дореволюционной программе партии кадетов, некоторые либеральные газеты все же иногда позволяли себе «поправлять» ее по наиболее кардинальному вопросу – земельному. Они призывали правительство признать факт крестьянского «черного передела» помещичьих земель необратимым – и сделать это немедленно. «Та власть устоит в великом... историческом переломе, – писали “Отечественные ведомости”, – которая сумеет выделить из колоссального революционного процесса его основной исторический стержень и, не пытаясь рассудку вопреки ломать его, обопрется на него» [7. 1919. 6 апр.]. Однако большинство либералов (и, в частности, кадетов) и в этом вопросе поддерживали правительство Колчака, склонявшееся к компромиссу и откладывавшее его окончательное разрешение до будущего Национального собрания, считая первоочередной задачей военного разгрома большевиков.

Умеренно-социалистическая пресса, напротив, целиком разделяла позицию, сформулированную выше приведенной цитатой. Комментируя правительственные заверения о решении земельного вопроса в пользу крестьянства, омская «Заря» писала: «Одних деклараций недостаточно. Жизнь требует реального творчества» [8. 1919. 10 мая]. Обращали внимание газеты этого направления и на недостаточность мероприятий правительства по рабочему вопросу. Что касается экономической политики колчаковского правительства, то она полностью соответствовала классическим постулатам рыночно-либеральных теорий (сведение до минимума государственного регулирования, поощрение частного предпринимательства и конкуренции) и защищалась либеральными газетами со всем энтузиазмом.

Вопрос о «невмешательстве» государства в экономику стал предметом острой полемики между социалистической и либеральной прессой. Социалистическая печать требовала всевозможных ограничений для предпринимательского класса, государственного регулирования всей экономической жизни и карательных мер за «спекуляцию», хотя сам этот термин в условиях свободы торговли выглядел весьма расплывчато, а

опыт показывал неэффективность запретных мер в данном вопросе. Либеральная пресса занимала немаловажное место в формировании и отражении идеологии Белого движения. «Сибирская речь» указывала: «Творческая работа в области создания единой и сильной идеологии – таковы текущие задачи русской интеллигенции» [5. 1919. 18 июня]. В ней переплелись элементы национального консерватизма и либерального западничества. Но выработать такую национальную идеологию, которая могла бы стать достойной альтернативой большевизму в глазах широких масс народа, выработать не удалось ни военным вождям, ни окружавшим их либеральным интеллектуалам, теоретикам и публицистам. В конечном счете именно это послужило решающей причиной поражения Белого движения.

Журналисты обоих направлений участвовали в организации пропаганды среди населения и войск: входили в состав образованных в каждой губернии и в каждом уезде специальных комиссий, отвечавших за изготовление и распространение антисоветской литературы, сотрудничали с отделами внешкольного образования и воспитания солдат при воинских гарнизонах. Эта работа координировалась осведомительным отделом при Ставке Верховного главнокомандующего в Омске (Осведверхом). Ряд журналистов принимали участие в организации передвижных выставок пропагандистских фотографий и вещественных документов, пропагандистских брошюр, листовок и прокламаций. На этой ниве трудились известные петербургские и московские журналисты, очутившиеся в Сибири после революции (С. Ауслендер, А. Белорусов-Белецкий и др.). Внимание к пропаганде усилилось после поражения на фронте летом 1919 г. Кадетская «Сибирская речь» призывала учиться у большевиков организации пропаганды, «подобно тому как великий Петр учился у шведов» [5. 1919. 26 авг.]. Однако в целом следует признать, что усилия белых в союзе с либеральной прессой в направлении пропаганды и агитации были мало профессиональны – по сравнению с красной пропагандой их можно назвать кустарными.

Отношение либеральной прессы к колчаковскому режиму стало меняться после окончательного крушения фронта и сдачи в ноябре 1919 г. белой столицы – Омска, имевшей особенно тяжелое моральное значение для белых. От безоговорочной поддержки либеральные газеты переходят к резкой критике. Раздаются слова о «неспособности вести страну к победе», о «банкротстве наших нескромных попыток делать всероссийскую политику» («Свободный край»), об «утрате властью даже тени авторитета» («Голос Родины») [1. 1919. 7 и 9 дек.]. Либеральная пресса начинает добиваться демократизации режима, отказа от системы военного управления. Однако в обстановке агонии фронта все это имело уже чисто умозрительное значение. Гибель колчаковского режима обернулась торжеством большевиков, а не демократии.

Сопоставление материалов сибирской периодической печати колчаковского времени с документами, опубликованными позднее, и архивными источниками позволяет опровергнуть расхожую в последнее время стереотипную оценку Колчака как «политического романтика и донкихота».

При всем своем дилетантизме в политике, проявлениях негибкости и прямолинейности в ряде вопросов, во многих ключевых моментах тактики политической борьбы и лавирования он нащупал вполне прагматичные подходы. Методы диктатуры и репрессий в условиях Гражданской войны он сочетал с пропагандой (хотя и недостаточной), пониманием необходимости демократических публичных деклараций и завоевания симпатий широкой общественности, твердой, но осторожной и достаточно умелой дипломатией в отношениях с союзниками.

Изучение материалов прессы позволяет проследить и публичные позиции различных социальных слоев и политических группировок, интересы которых она отражала, их эволюцию и взаимоотношения с режимом военной диктатуры. Ее исследование помогает уяснить и роль самой прессы при власти Колчака, степень ее свободы и сравнить их с положением печати при советской власти. Следует признать, что при всех несомненных стеснениях свободы печати при Колчаке она была на порядок выше, чем на территории Советской России, где закладывался фундамент тоталитарного строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сибирская жизнь*. Томск.
2. *Голос рабочего* (Уфа).
3. *Власть народа* (Челябинск).
4. *Правительственный вестник* (Омск).
5. *Сибирская речь* (Омск).
6. *Свободный край* (Иркутск).
7. *Отечественные ведомости* (Екатеринбург).
8. *Заря* (Омск).
9. *Наша заря* (Омск).
10. *Русь* (Омск).
11. *Иностранцев М.А.* Первое поручение адмирала Колчака // Белое дело. Берлин, 1926. Т. 5.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 августа 2010 г.